

**СТЕНОГРАММА
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
«МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ В НАУЧНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ»**

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Какая счастливая, удивительная, уникальная возможность у каждого из вас здесь есть. Рядом со мной сидят признанные эксперты, каждый в своей отрасли.

Это люди, которые могут проводить исследовательские работы, у которых огромный педагогический опыт научения тех, кто готов этому учиться (тут я сделала паузу, именно готов этому учиться), входить в эту культуру — долгую, неочевидную. Где нужно, как вы знаете, в получении водительских удостоверений какое-то количество часов просто нужно «наездить», а для того, чтобы написать исследовательскую работу, да еще претендовать на поступление в магистратуру или в аспирантуру, N-ое количество часов тоже придется потратить.

Причем в библиотеке. Мы сегодня вспоминали анекдотичные истории. У каждого из нас есть много анекдотов, когда нам говорят: «В интернете нет этой информации по моей теме». Сколько раз я слышала! Знаете, говорят: «Я вот пишу работу о том, как святитель Иоанн Златоуст наставлял в семейном обучении». Я отвечаю: «Замечательно! Для меня никто это не писал». Слушайте, святитель Иоанн Златоуст был в IV веке. Неужели вы надеетесь, что до этого времени, кроме вас, никто этим больше не занимался? И это не потому, что я хочу вас отправить на пересдачу. Просто потому, что есть определенные правила поведения в каждой из научных отраслей. Но сегодня мы будем говорить крупными мазками. У нас с вами всего два часа, даже может быть меньше.

Крупными мазками — для того, чтобы вы поняли, насколько это перспективно, насколько это глубоко, насколько это сложносоставно. И мы возьмем только вот три направления гуманитарных исследований, и я пойду прямо по очереди.

(представляет ведущих семинара) Дмитрий Михайлович Рогозин, вы вчера слушали его доклад. Человек, который занимается социологическими исследованиями. Нам повезло, что он сейчас не в поле, потому что человек, который делает это,

выезжая в поля, занимаясь сбором эмпирического материала. Но он умеет, он кандидат наук, он умеет, в том числе, оформлять результаты исследований, и поэтому его работы для меня убедительны.

Илья Владимирович Егоров, кандидат психологических наук, социальная психология, преподаватель психологии, психологии образования, много исследований в области психологии, социальной психологии, психологии образования. Также имеет многолетний, десятилетний навык подготовки магистрантов по этим направлениям исследования, бакалавров и по педагогике, по психологии и, что важно, он читает курс как раз и бакалаврам, и магистрантам о методологии научных исследований.

Татьяна Анатольевна Костюкова, доктор педагогических наук, профессор Томского университета, председатель диссертационного совета по образованию и педагогике. Человек, который смотрит уже на выходе соответствие кандидатских и докторских работ по педагогике критериям научности, критериям доказательности. Вы тоже вчера были на ее мастер-классе и понимаете: она готова вас научить, как это делается на уровне бакалавриата и магистратуры, но перспектива, которой владеет Татьяна Анатольевна, доктор наук, — понимаете, есть куда расти.

Екатерина Александровна Александрова, доктор педагогических наук, профессор, человек, который защитил 28 аспирантов и докторанта по педагогическим наукам.

И я попросила коллег. Как вы понимаете, каждый из них — это кладезь, это человек, у которого есть опыт, который, я надеюсь, вам очень пригодится. Но мы сегодня будем говорить вот о трех таких вот реперных точках. Обратите внимание, здесь уже можно начать конспектировать: социология, психология, педагогика — в области не только истории педагогики, не общая педагогика, а в области профессионального образования, то есть те науки, которые как бы можно пощупать, измерить, и вот эти критерии доказательности, что называется, предъявить.

Мы будем говорить, я буду спрашивать, и мне очень интересно, что коллеги скажут о том, как здесь сейчас, вот сегодня, в 2025 году, со всеми теми особенностями... Знаете, мы так же, как и вы, следим за тем, что происходит в мире, что происходит с цифровыми инструментами, что происходит с развитием искусственного интеллекта.

Тоже читаем информацию, также следим за теми обновлениями, которые устанавливают наши смартфоны и так

далее. И вот в этих условиях хотелось бы порассуждать (опять же, это не академический курс лекций), а порассуждать о том, как в современных условиях в каждой из этих отраслей научного направления (то есть это то, что вот называется научным зонтиком) сейчас выглядит практика, именно не то, что там, так сказать, академически заведено, а практика проведения исследований. И вот поэтому будут такие крупные мазки, такие, знаете, вот прямо, что называется, на уровне общих каких-то таких смыслов.

Есть количественные, есть качественные методы исследования. И мы даже говорим в просторечии о том, что это качественное исследование, да, поэтому там... и вот мы об этом сейчас поговорим. То есть, если вы уже понимаете, что такое количественное и качественное исследование, вы поймете, о чем мы говорим.

Если не понимаете, задавайте вопросы, мы постараемся объяснить. То есть, первая точка, о которой я хотела бы спросить присутствующих здесь экспертов: какие правила, какие критерии существуют в вашей отрасли научных исследований в современных условиях к тому, чтобы отделить, что это можно количественно исследовать? И тут мы возвращаемся к первоначальной идее.

Есть идея, хочется проверить гипотезу: «Мне кажется, что здесь вот так». С чего начинается любое исследование?

«Мне кажется» — это моя рабочая гипотеза. А дальше нужно идти, брать инструменты, подходы, смотреть, что до этого люди делали, как они писали, как они свои «кажется» проверяли. И вот как эту гипотезу, которая на уровне моей головы, как ее положить уже вот в методологию, в методы того, как я буду проверять сам себя, как я не буду сам себя обманывать, как я буду свои фантазии выдавать за результат моего научного исследования?

Речь об этом сейчас идет. И вот кажется мне, что всем сейчас интересно (опять же, этот пример привожу) узнать, как же там святитель Иоанн Златоуст воспитывал в семейном наставлении, в семейных традиционных ценностях тех, кому он писал письма в IV веке.

Есть у меня гипотеза. А дальше вопрос: как я буду проверять — количественно или качественно? Вопрос номер один: как мы определяем это количественное или качественное исследование?

Вопрос номер два: какими критериями, если я беру количественное исследование, без чего я вообще не могу обойтись

в своем исследовании? То есть что мне нужно, какой инструментарий, какие методы (опять же, в моей науке) взять? То есть, если это качественное, а если это количественное, то здесь что? Вот как без этого, какие есть методы?

И я просила коллег, вы знаете, мы, хоть мы и профессора, мы тоже готовимся к каждой встрече. Мы сегодня готовились к встрече с вами. Я просила коллег говорить на примере своих опытов, то есть вот тех вот примеров, которые были, потому что самый говорящий пример — это тот, который был со мной недавно. Он обладает таким живым, что называется, дидактическим потенциалом. И, говоря о том, какие инструменты, какие правила, какой, что называется, исследовательский кодекс, без чего нельзя обойтись.

Когда я кандидатскую, докторскую писала, мне тоже говорили: «Слушай, для того чтобы выйти на докторскую, нужно, чтобы твоя выборка была не меньше...» (Там называли количество), то есть количественные показатели того, что для людей, которые будут в диссертационном совете слушать мои положения, выносимые на защиту, чтобы это было убедительно.

И тогда надо было включать голову и искать, где же я возьму вот эту вот выборку, чтобы показать: то, что я себе нафантазировала, оно работает реально. И кем, и как я это буду делать, защищаться. Вот об этом хотелось спросить наших коллег: как у них, вот как бы это то, что называется, какие критерии? Чем докажешь? Чем докажешь, что это так? Это вот второй вопрос, группа вопросов.

А третья группа вопросов: что же нам всем делать в эпоху искусственного интеллекта, который моментально не то что находит информацию, он еще и систематизирует, обрабатывает и выдает быстро, качественно, хорошо, если правильный запрос ему составлен.

Нам интересен этот процесс воспроизводства (опять же, казённое слово), воспроизводства научных кадров в нашей родной стране, научных кадров в области гуманитарных наук, в области образования, в области, где нужны эти научные кадры.

Но хочется, чтобы они были профессиональными. Я заканчиваю свой спич. Попрошу коллег уже брать микрофоны и говорить в свободной форме, то есть это не урок, это не ответы на вопросы, а размышления по поводу.

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат
социологических наук:

«А как мы идем по регламенту? На все три вопроса отвечаем сразу? Скажите, как скажете, так и сделаем».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Мне кажется, по одному вопросу, чтобы коллеги, что называется, вторили Вам. Удобно будет?»

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Да, да».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Тогда с вас начнем».

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«А по времени сколько? Пять минут, десять? Вы скажите, я засеку и...»

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Ну давайте до десяти».

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«До десяти. Поставлю девять минут. Что касается первого вопроса: количественное, качественное. Социологи от этого уже отказались. То есть бои шли не на шутку в 90-е годы, и у нас даже в нашей среде мы эти бои называли «ку-ку дискуссия», потому что quality-quantity. И они закончились, поскольку сейчас все говорят о микс-ресерче, то есть исследованиях, которые комплексные, смешанные, комбинированные.

Какое слово подберете, вам больше нравится, такое и ставьте. Они определяются тем, что в эпоху современных технологий очень трудно различить количественное и качественное. И это различие смысляется самым главным — гаджетом, который у вас у всех есть, — телефоном теперь. Раньше это был диктофон, но поскольку телефон захватил эти функции, и диктофон на телефоне пишет часто лучше профессиональных, то это телефон.

Основное правило исследования — это записывать все, что вы можете записать. Предварительно, конечно, есть исследовательская этика. Лучше об этом упомянуть и так далее. Мы это называем информированным согласием. Но здесь очень важно не заиграться в информированное согласие, поскольку если

вы будете с кем-то разговаривать и скажете: «А можно ли вас записать? Можно ли вас записать?», — конечно, нельзя, потому что ни один человек... ну чего, вы же по-человечески говорите, а тут записывать.

Поэтому обычно есть техники получения информированного согласия, и об этом можно отдельно говорить, как сделать так, чтобы человек согласился на запись. А запись вам нужна профессионально, поскольку какой бы вы ни обладали памятью, у вас специфическая речь. Если вы не будете записывать, а будете записывать на листочек, то все респонденты (мы так называем людей, с которыми мы общаемся) будут у вас говорить вашими словами.

То есть это будете вы, а их не будет. Поэтому запись нам нужна, в отличие от следователей, не для того, чтобы поймать человека на чем-то, вменить ему какую-то вину или противоречие какое-то, а чтобы зафиксировать особенности его речи.

Социологу очень интересны «нукания», «акания», паузы, различные повторы, междометия, которые очень часто воспринимаются как что-то мусорное в языке, а для нас это просто радость жизни.

Часто очень мы смотрим не на то, что человек сказал, а на то, как он сказал. Например, если человек смеется, держит паузу, это очень часто дает нам больше информации, чем то, что он сказал, особенно если он готовился к нашему интервью и так далее. Итак, запись. И это работает как в количественных, так и в качественных исследованиях, независимо от того, с анкетой вы пришли.

Вы можете сказать, зачем мне запись, он же вот анкету будет заполнять, он все это запишет. А затем, что когда вы приходите с анкетой, анкета — это любопытный элемент вообще исследовательский. Он воспринимается как самый простой: ну чего, сейчас на Google-форме или на Яндекс-форме сделал эти анкеты, все заполнили. Одновременно это самый сложный процесс, потому что попробуйте-ка сделать вопрос понятным, без комментариев, чтобы все одинаково его понимали, как понимаете вы.

Это чрезвычайно сложно, я не видел ни одной анкеты, даже профессионалов, которые не были бы без ошибок. Это моя специализация — составление анкет. Все делают очень плохие анкеты, это правильно, поэтому должны быть пилотажи и так

далее. И когда человек, не имеющий представления о формальном языке анкеты, начинает ее составлять, это выглядит очень смешно.

Но это не только выглядит смешно, это еще и дает очень плохие, смешные результаты в результате подсчета. Поэтому даже тогда, когда вы заполняете эту анкету или формально задаете вопросы, включили диктофон, и если вам не устно он отвечает, можно использовать так называемые добавочные вопросы, *probing questions*, — разные когнитивные техники: говори вслух все, что ты думаешь, когда отвечаешь на этот вопрос.

Эти техники позволяют вам, даже если вы составили плохую анкету, получить хорошие данные. Потому что основная задача социолога, независимо от того, качественное исследование или нет... Качественное — это поговорить, количественное — это поставить галочки вокруг вопросов, которые мы называем закрытыми, когда мы даем им варианты ответов. Независимо от этого, социолог проводит одну единственную исследовательскую операцию, которая называется разговор.

Что бы мы ни делали, все социальное определяется разговором.

И самое забавное здесь, удивительное, что сейчас мы везде даже говорим в разных дисциплинах: социологические методы. Социолог у нас определяется как некоторый мета-полевик, который другим дисциплинам дает возможность реализовать те или иные исследовательские практики. Маркетинги говорят: «Мы проводим социологические исследования, UX-исследования», не знаю, слышали вы или нет. «Мы используем социологические подходы». Педагогические исследования: «Мы используем педагогические подходы». Но где-то 130 лет назад был такой Эмми Багардус, который известен количественной шкалой Багардуса. Но у него есть великолепная коротенькая статья, которая называется «Как правильно брать интервью». И когда он ее написал (мы ее перевели, она есть в журнале «Пути России», на русском языке переведена), он ставил вопрос так: «Социологи не умеют брать интервью, давайте поучимся у тех, кто умеет брать интервью». И он выписал эти профессии: кто умеет разговаривать с людьми. И среди этих людей были священники. То есть когда-то было время, когда социологи учились у священника разговаривать с людьми. Поэтому есть еще одно золотое правило: не нужно кому-то подражать, то есть думать, что вот здесь вот вы говорите, ну, в дружеской беседе, а вот здесь вы наукой занимаетесь, и как социолог берете интервью, и так далее, и так далее.

В интервью очень важно понимать, что любое интервью — это прежде всего разговор, это вы сами, и надо использовать свои техники разговора, понимая, что у вас есть три задачи, не больше, когда вы берете любое интервью. Первая задача — получить информацию. Вторая задача — установить и поддержать эмпатические отношения, ну, чтобы человек не закрылся, то есть вы ему вопрос, а он думает, что-то он на меня копает, донос, что ли, хочет написать или еще что-то.

И третье — это соблюсти этику общения, этику исследовательскую. Здесь мы начинаем расходиться, потому что вы все-таки исследования проводите, а не дружбу устанавливаете. Здесь есть опасность одна, потому что, когда человек вам по душам что-то рассказал, он говорит: «Ну слушай, я же тебе как человеку рассказал, другим не надо говорить». А вам-то от этого, ну, не тепло, не жарко, вы же для того, чтобы как раз другим рассказать, вы же исследования проводите.

Поэтому здесь возникает это информированное согласие, которое позволяет вам выдержать эту дистанцию: с одной стороны, быть близким с этим человеком, а с другой стороны, говорить, что у нас с тобой не вечеринка. То есть мы с тобой все-таки пытаемся разобраться в каких-то вопросах. И в этом смысле современные социологические исследования, кроме *mix research* (вот то, что я сказал — комплексные, совместные исследования, совмещающие количественный, качественный подход), они приобрели формат соучастующих исследований. Вот Американская ассоциация исследователей общественного мнения такой грант... Ну, так это не потому, что американцы нас умнее, просто они раньше над этим задумывались, они раньше стали проводить опросы, и как бы у них международное сообщество смотрит на их стандарты. Так вот, в стандартах Американской ассоциации исследователей общественного мнения вообще теперь уже даже не запрещено, но рекомендовано к тому, чтобы не использовать термин «респондент», а психологам — термин «испытуемый». То есть мы не используем эти термины. А какие термины предлагает Американская ассоциация?

«Участник», участник исследования, потому что когда мы разговариваем со своим собеседником, мы не только собираем с него информацию (раз), потом устанавливаем отношения (два) и делаем это этически, но мы его включаем в исследовательский процесс, и он будет соавтором нашего исследования».

Егоров Илья Владимирович, кандидат психологических наук:

«Спасибо! Подхватывая то, что говорил Дмитрий Михайлович, он отчасти уже рассказал, что смешиваются все-таки эти методы — количественные и качественные — и это также происходит в психологии.

Психология образования, про педагогику расскажут коллеги. И поэтому, но там есть некоторые зазоры, отличие в чем собственно социологических от социологических методов... Есть так называемые методы и методики в психологии, которые, кстати говоря, очень часто любят использовать и педагоги, и те, кто в психологию образования приходят, они называются полуструктурированные, которые проективные и полуструктурированные.

Почему? То есть это те методы. Особенно любят рисуночные методики использовать студенты или, например, цветовой тест Люшера, такой есть известный, тоже можно его найти везде, если «погуглить», и в интернете он есть. И возникает некоторая иллюзия, что вот эти методики, которыми можно померить и понять личность, ценности, эмоциональное состояние и так далее, — человек, который не умеет ими пользоваться, [пытается это сделать].

То есть берешь и просишь ребенка, взрослого или кого-то нарисовать: «Нарисуй мою семью».

Очень любят вот студенты рисовать, ну, в моей практике, во всяком случае, они используют методику. «Нарисуй свою семью» — просит ребенка, там, предположим, не знаю, подростка или дошкольника. Вот. И дальше они говорят: «Ну вот он мне нарисовал, значит, там он стоял один, мамы и папы не было, значит, у него плохие отношения с мамой, с папой. Он один стоит. Значит, нарисовал он ручкой. У меня не было других цветов, поэтому я ему дал ручку. Вот мы сидели, значит, я ребенка попросил. Поэтому вот это можно [интерпретировать] так, что плохие отношения». Ну вот, да. И дальше вот непонимание, которое возникает у студентов, оно связано с тем, что это да, методика проективная, которая дает возможность посмотреть, во-первых, изучить эти особенности эмоциональных отношений между ребенком и его родителями, с одной стороны.

С другой стороны, это методика, которая, надо понимать, используется чаще всего, и она лучше работает только на детях дошкольного возраста, ну, в крайнем случае, младшего школьного

возраста, потому что с подростками чаще всего она не работает. Со взрослыми тоже придуманы другие методики, проективные, которые тоже почему-то студенты используют.

Но используют каким-то своим особым образом. Вот на памяти моей одна из моих дипломниц по психологии образования, которая писала выпускную работу бакалавриата, она, значит, взяла тест Люшера, где есть 8 цветов (для тех, кто не знает, рассказываю).

8 цветов, и каждый цвет Макс Люшер соотнес с определенными психологическими... Ну, понятно, он опрашивал, там как бы есть бэкграунд, очень большая история создания этой методики. Он стандартизировал каждый определенный цвет с определенным психологическим состоянием, проведя определенное большое количество опросов. И потом эта методика была особым образом адаптирована, переведена на русский, адаптирована к русскоязычной выборке.

За каждой такой методикой стоит большая история того, как ее надо правильно использовать, если коротко говорить. Большая история. Для того чтобы понять, как она работает, надо прочитать методические рекомендации по использованию цветового теста Люшера.

И там написано, как это использовать правильно с точки зрения получения той информации — психологической, социально-психологической — о ребенке, о маме-папе, о детях и так далее. Ну, возникает ощущение, когда такой человек неискушенный берет эту методику, что «а что там, ну да, вот он взял эти цвета».

И у меня студентка взяла эти цвета, замечательным образом, и прочитала где-то в интернете, как каждый цвет интерпретируется: черный цвет — это смерть, красный — это сексуальность, синий — там это спокойствие, умиротворенность.

Ну и дальше, вот она прочитала это и как бы провела, и сказала, что: «Вот я провела это с детьми, я провела это с учителями, потом сопоставила эти вот ответы и сказала, что вот у детей, значит, одно состояние, а у родителей другое. То есть не родители, а учителей другое».

Соотнесла эти ответы, да? Я говорю: «Нет, ну это замечательно, конечно, что вы так соотнесли, но там гораздо...» Во-первых, да, причем это было сделано еще и на одном классе, что касается количественных, что касается качественных исследований, она затратила много времени, да. И эти методики, полуструктурированные, так называемые проективные, они

действительно требуют большого количества времени. Но они формализованы, вот про галочки, они формализованы. То есть каждый содержательный ответ предполагает определенную тематическую направленность, и рисуночные методики, они тоже стандартизованы. То есть там есть определенные параметры, по которым интерпретируется данное изображение.

Вот в рисуночных тестах задаются [вопросы] тому, кто рисует, и устанавливается (вот то же, это делается до того, конечно) эмпатическая связь, устанавливаются отношения психологические с участником исследования. Вот задаются вопросы, которые тоже стандартизированы, то есть они заранее прописаны, хотя они открытые. Эти вопросы открытые. То есть надо задать эти вопросы, услышать тот ответ, который скажет вам ребенок или взрослый в некоторых случаях. Вот есть более серьезные для взрослых методики картиночные, например, там тематический апперцептивный тест, где есть картинка, по которой надо рассказать что-то.

Есть детский тематический апперцептивный тест, где есть детские такие типы разных зверей, которые изображены, и ребенку надо придумать какой-то рассказ с началом, с серединой, с окончанием, с заключением этого рассказа.

Ему дается картинка, он придумывает. Но при этом надо понимать, что надо определенным образом интерпретировать эту самую методику по определенным темам, тоже уже известным, чаще всего встречающимся темам, и дальше это всё вот приобретает некоторый законченный характер. Но эти обобщенные темы выбираются. То есть оно превращается — это исследование уже из качественного в количественное, из количественного в качественное. То есть поэтому эти методики называются проективно-полуструктурированными, потому что там да, вроде бы часть она такая проективная и красиво все, да, кажется, что быстро, а в результате оказывается, что она не быстро. Для того чтобы собрать определенное количество, набрать вот участников исследования в таких методиках, требуется определенное искусство. С другой стороны, надо количественно как-то подтвердить результаты своего исследования.

То есть, на одном классе, вот в случае с моей студенткой, где было там у нее 25 человек и два учителя, — ну, это не работает, если мы говорим про бакалаврский, магистерский и кандидатский [уровень], тем более. Хотя в некоторых случаях, в отдельных, если говорить, например, про инклюзию в образовании, то там вполне

возможны индивидуальные какие-то варианты. Но там индивидуальная, в смысле, как клиническая беседа, такое качественное исследование, уникальный какой-то случай, где мы анализируем 2–3 каких-то индивидуальных случая.

Но они связаны чаще всего с использованием все равно и таких, и таких методов — и количественных, и качественных. Хотя мы останавливаемся, если в количестве людей, на двух-трех, вот в инклюзивном образовании. Когда мы писали статью как раз по инклюзии, там все-таки играет роль: какая специфика нарушения, вот эти типы нарушений, как общаться (это уже отдельная история), устанавливать контакт и потом как обобщать результаты, связанные с тем типом нарушения, которые есть у человека, и как это объяснять с точки зрения его психологических состояний, которые изучаются. Психологические состояния, явления. Время уже?»

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Да, и время. И как я понимаю, такой крупный блок... уже все-таки мы понимаем теперь уже о том, как психология работает в психологии образования, где количество в качество переходит и наоборот, и какие, по крайней мере, для меня стало очевидно, какие хотя бы очертания вот этих вот границ, чтобы проверять самого себя. Попросим Екатерину Александровну продолжить».

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского:

«Вот, собственно, так, наверное, всегда и заявляют в исследованиях. Сначала — социология, потом — психология, и затем уже говорят по остаточному принципу о педагогике.

Дело в том, что обсуждаемый вопрос для нас, как педагогов, очень болезненный и очень острый.

Долгое время, буквально, ну, простите за такой сленг, «камнями забивали» тех педагогов, которые говорили: «Я провожу исследование, и если оно, если моя работа поможет хотя бы одному человеку из моего класса, из моей школы, я уже буду уверен в том, что моя жизнь прожита не зря, что я помог хотя бы одному ребенку».

Такая «описательная» педагогика встречается во многих книгах. Не в статьях, не в монографиях, просто в художественных

книгах. Знаменитый Антон Семёнович Макаренко, Станислав Теофилович Шацкий, Виктор Николаевич Сорока-Росинский, вернее, его ученики, которые писали книгу про республику ШКИД, показывают в своих книгах, как меняется человек под влиянием действий педагога, под влиянием действий среды.

Это действительно педагогика описательная, когда мы видим описание маленьких шагов прироста для каждого растущего человека и видим описание рисков, и видим описание того, чего не случилось, и понимаем, почему это так.

Но в связи с определенными обстоятельствами началась иная педагогика — педагогика чёткой фиксации результатов.

Максимума такая педагогика достигла, когда у нас в стране было введено ЕГЭ. Это был уже предел того, что могло существовать с точки зрения педагогического диагностирования. Много мы потеряли в этом поколении.

Подобная диагностика, когда необходимо считать всё идеально, причем даже то, чего в принципе посчитать невозможно из этических соображений, приводит к таким, например, фразам в бакалаврских выпускных квалификационных работах: «В эксперимент вошло 23 семьи, до конца эксперимента дожили 21». Ну, вы сами понимаете абсурдность таких фраз. Как говорится, жанр предполагает.

И мы начали разбираться: как тогда оценивать работы, в которых предполагается количественная оценка или качественная оценка?

Количественная оценка предполагает четкую фиксацию результата исследования. Она полезна и нужна тогда, когда процесс, который мы изучаем, линейный. Мы чётко знаем, например, что вот это сочинение надо оценить на оценку «отлично», а это на оценку «хорошо», потому что есть определённые показатели. Но и то мы с вами прекрасно понимаем, что если человек вложил в это сочинение душу, то, например, тройка вырастает до размера пятерки с плюсом. И как тогда уйти от субъективности оценивания?

Тем не менее, линейность некоторых образовательных процессов оправдывает существование количественных методов диагностики педагогики.

Однако у нас сейчас меняется не только мир во всех его проявлениях аксиологического кризиса, у нас меняется структура преподавания и воспитания.

Всегда в классической педагогике нам говорили «от простого к сложному», «от близкого к далекому», «одно за другим», системно.

Сейчас не только молодое поколение, но и мы сами уже даже привыкаем, что, если мы «заходим» в социальные сети за какой-либо информацией, то через полтора часа судорожно пытаемся понять, как попали на совершенно иной сайт, потому что зачастую спонтанно движемся по гиперссылкам.

И если раньше люди поколения нашего возраста были воспитаны в ситуации линейного или спирального изложения содержания учебных предметов, то сейчас молодежь привыкает к ризомоподобному подходу к изложению материала. Ризома — это корневище. Соответственно, материал излагается не линейно, как корневище, распространяясь во все стороны. Ризомоподобность сейчас набирает обороты и в обучении, и в воспитании. То есть системность становится нелинейной.

Это совершенно новые методологические подходы, и это методологическое основание для перехода к качественному оцениванию педагогических исследований.

То есть мы можем теперь позволить себе разделить наши исследования на две большие группы.

Первая группа исследований: изучение того, что происходит с образовательным процессом, что я хочу поменять в образовательном процессе.

Вторая группа исследований: изучение того, что происходит с человеком в этом образовательном процессе.

В первом случае изменения в образовательном процессе можно диагностировать количественно, на что существуют отработанные методики.

Во втором случае мы опять же сталкиваемся с точкой бифуркации: человек может обучаться, а может воспитываться.

Процесс обучения мы можем диагностировать количественно. Но то, как человек воспитывается, как развивается, что с ним происходит в духовно-нравственной сфере, просчитать и подсчитать практически невозможно. Знаете, это как у братьев Стругацких было в одном из романов, но за точность цитаты не ручаюсь: «Разве такое можно алгоритмизировать? Я бы не взялся».

Итак, если мы работаем с линейными, спиральными, концентрическими моделями, то можем результаты подсчитать количественными методами. Так, если происходит линейное

изложение материала без пауз, то тогда мы можем провести диагностику процесса «на входе, на выходе».

Если же мы работаем с ризомоподобными процессами в педагогике, мы это можем посчитать только качественными методами.

Если же у нас ризомоподобный и с определенными паузами фиксации процесс, то речь может идти о мониторинге без сравнения, некоем изолированном мониторинге, безреференсном мониторинге.

Мы давно не говорили в диссертационных исследованиях о мониторинге, вот сейчас самое время опять вспомнить. Тем более, что все процессы, которые сейчас происходят с молодежью, помните, «обучение в течение всей жизни», «развитие на протяжении всей жизни», «самореализация в течение всей жизни» не предполагает конечной диагностики.

Таким образом, сегодня наблюдается переход к ситуации безреференсного мониторинга, который наиболее уместен в случае множества современных диссертационных работ, посвященных исследованию ценностей, исследованию смыслов, исследованию эмоционального состояния человека.

И вот в 2023 году в педагогике буквально произошел прорыв. В Петербурге была защищена докторская диссертация Ю.Ю. Бочаровой на тему «Методологические основания исследования педагогического образования в современных социокультурных условиях». Я оппонировала диссертацию М.П. Кривунь, где она, уже опираясь на эту докторскую, выводит диагностику эффективности работы тьютора — точечной индивидуальной работы индивидуального наставника. Она доказывает, что сейчас есть иные совершенно способы диагностики индивидуальной работы. А это, наверное, именно то, чем вы занимаетесь в своих исследованиях.

Есть еще одно лукавство педагогических исследований, которое мы сейчас пытаемся преодолеть: существование контрольных и экспериментальных групп. Это наша беда и боль с точки зрения этики и с точки зрения чистоты, валидности эксперимента.

Вот смотрите, мы должны, в принципе, для исследования взять группу, с которой мы проводим исследование, и определить группу, которую мы «не трогаем», затем сравнить результаты. Понятно, да? Я думаю, что вы вчера как раз тоже об этом много говорили.

Что получается? Прихожу я, такая вся умная из себя, к группе ребят, и свои наработки им рассказываю. И они в процессе моего экспериментального исследования становятся умнее, честнее, добрее и так далее. Но тем не менее рядом сидят такие же ребята, которые лишены этой возможности стать умнее, добрее, потому что они контрольная группа. Но это незитично! Если я, как исследователь, знаю, что есть методики, которые могут помочь, почему надо не допускать к ним определенную группу людей? Я понимаю, что ради науки не такое сделаешь, но все-таки вот как-то вот вопросы этики здесь срабатывают.

Второе: есть объективно исследования, где невозможно подобрать контрольную группу. Вот смотрите, например, ваша уникальная семинария. И как ей подобрать контрольную группу? Это нереально. Это просто нереально, потому что в других семинариях, тоже хороших семинариях, долго работают, но там другие люди работают, там другие несколько программы, простите, там другая интонация у преподавателей, и невозможно сравнить. Это будет невалидное исследование.

Музыканты страдают. Приходит ко мне, например, преподаватель консерватории, органист. Сколько у нас органистов-то в стране? В нашей Саратовской консерватории готовят одного органиста где-то за 4 года. То есть работа есть, но контрольные группы невозможно подобрать.

Итак, если у нас для проведения эксперимента мало респондентов либо вообще нет контрольной группы, если мы работаем с учетом исследовательской и педагогической этики, то речь может идти только о качественных критериях.

Спасибо».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Спасибо, коллеги. Позвольте, я немножко нарушу свою установку? Я сразу тогда задам вопрос Екатерине Александровне, логически: чем тогда докажешь?»

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского:

«Низкий поклон всем диссертантам, которые уже защитились. Петербургская диссертация и диссертация Ярославля для нас теперь аргумент о том, что формируется новая методология. Они были первопроходцами, они не побоялись.

В логике нашего разговора мы тогда сразу переходим к критериям доказательств. Это абсолютно субъективные, с точки зрения и психологов, и педагогов, наши методы исследования.

Во-первых, это изучение продуктов деятельности. Можно, наверное, не объяснять так вот подробно эти методики. Во-вторых, ну вот это я проверяю со своими сейчас аспирантами, для меня это тоже новое. Вернее, как эта методика, стара как мир, — незаконченное предложение. Но если это незаконченное предложение для педагогических исследований, подавать не только: «Допишите незаконченное предложение», хотя это имеет место быть, но есть такое небольшое тоже лукавство педагогическое, когда мы начинаем говорить с участником исследования (спасибо вам за этот термин, я записала, буду привыкать). То есть мы можем говорить: «Скажи это за меня. Я сейчас забыла. Продолжи мою мысль». Естественно, он ее продолжает со своей позиции, и таким образом у него еще рождается ощущение, что он как-то больше меня знает, помогает участию и так далее.

Это ранжирование. Причем ранжирование не только отметить, к какому полюсу ближе твоя ценность и твой смысл, а ранжирование как способ глубочайшей рефлексии, которой мы посвящаем достаточно много времени.

То есть, а почему этот выбор сделан был именно так? Значит, это беседа. Но беседа не по классической, мы пробуем элементы сократической беседы использовать, и мы пробуем использовать беседы-рефлексивного эссе по модели, по средневековой модели тьюторства, которая в принципе была принята в средневековых университетах, когда вообще зарождалась эта профессия.

То есть, это пятишаговое, ступенчатое такое подведение к формулировке собственного запроса к исследованию. Это очень большой анализ, который потом синтезируется до пяти фраз. Это обязательно идет дискуссия с участниками, дебаты на обратную связь по каждому из поставленных вот этих пяти тезисов. Готовятся антитезы. После этого на основе обратной связи участник формулирует новый запрос к своему исследованию и обращается опять за анализом к научной литературе с помощью научного консультанта, начинает дальше вот это вот спиралевидное раскручивание беседы. И по тому, как человек, как идет развитие его мысли в процессе работы над исследованием,

собственно, мы оцениваем вот это изменение ценностных оснований его деятельности.

Наверняка, вы знакомы с такой методикой, как «метафорические ассоциативные карты», с помощью различных метафор. То есть это использование ассоциативного ряда во всех его проявлениях через разнообразные техники арт-терапии или непосредственно работая с ассоциативными картами. Вот сейчас, когда у нас открылось Саратовское отделение научного центра РАО, я занимаюсь проблематикой взаимодействия семьи и школы.

И вот нам очень сейчас, например, в работе с родителями и с педагогами помогают такие ассоциативные карты, которые называют знаменитой зонтики издательства Genesis. Но дело в том, что любые карты мы можем использовать не только по стандартным методикам, которые рекомендует нам это издательство. Методики рождаются в процессе работы с этими картами.

И вот сейчас я скоро буду презентовать методику, как с помощью этих карт мы можем распределить, человеку дать возможность понять свою позицию: «Я родитель, я взрослый, я ребенок», — и скорректировать эти позиции с точки зрения образовательного процесса и той роли, в которой субъект в этом образовательном процессе выступает. Спасибо вам за отсылку к работе с цветом.

Мы используем всем известную цветопись Лутошкинскую, которая была создана на основе специфических условий пионерского лагеря. Эту методику можно загуглить, посмотреть. Она была создана для оценки состояния коллектива, временного детского коллектива, но она прекрасно адаптируется и к индивидуальной работе, причем с людьми разных возрастов. И главное, что здесь у нас, у педагогов, очень большая трудность.

Педагоги не обладают знаниями, которыми в такой степени обладают психологи и социологи. И в этой связи, если это исключительно чисто педагогическое исследование, которое ведет человек, обладающий педагогическим образованием, а не психологическим, мы можем использовать только вот эти методики педагогические.

И Лутошкинская цветопись, она нам в этом отношении подходит. Большой плюс для педагогических исследований привнесла примерная программа воспитания подрастающего поколения в основных образовательных организациях, которую разработала научная группа под руководством академика Натальи

Леонидовны Селивановой. Эта программа воспитания опубликована в свободном доступе, она есть. Почему она нам помогает, не говоря вообще об ее содержательности?

Дело в том, что там, у нее в подвале, как говорится, когда речь идёт о критериях воспитанности человека, вот обосновано, что мы должны от количественных исследований в педагогических работах сделать этот переход. Опять заговорила: от качественных к количественным. И на уровне этой программы, а она утверждена на государственном уровне, заявлено, что основным методом сейчас исследования для педагогов является наблюдение.

Вот «ура», это хорошо, что мы к этому возвращаемся. Конечно, в классике диссертационных исследований — кандидатских, уже докторских, — мы вынуждены подкреплять валидными психологическими тестами и так далее, но если говорить об исследованиях на уровне бакалавриата и магистратуры и не «кривить душой» в своих исследованиях, то это, конечно, критерии, на мой взгляд, качественные».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Спасибо большое, Александра Александровна. Я маленькую реплику выдам, опять же, так как моя задача — модерировать и немножко оживлять дискуссию. Хорошо вспомнила бытность, когда я еще была аспиранткой и, конечно же, ходила к психологам на психфак, тогда еще это можно было делать, всех слушала, с ними разговоры говорила. А потом пришла к своему научному руководителю и говорю: «Вот они мне там сказали, что вот без этого никак-никак». Он так смотрит на меня и говорит: «Запомни, там, где психолог работает пинцетом, мы, педагоги, берем топор».

Илья Владимирович, давайте теперь к пинцету».

Егоров Илья Владимирович, кандидат психологических наук:

«В психологии есть, на самом деле, какие-то хорошие, качественные исследования. Например, берете книжку (она есть в интернете, в открытом доступе) Александра Романовича Лурия, «Маленькая книжка о большой памяти». И читаете там всего, помоему, пятнадцать страниц.

Там вам, вы читаете, там все понятно. Вот Александр Романович, он на примере отдельного случая, да, но в этот феномен надо войти. То есть тот феномен, который там описан в этой книжке, который описывает Александр Романович, — этот

реальный человек, с которым он работал, впоследствии его имя было раскрыто, это Шерешевский, вот, феномен, который запоминал всё.

Он не мог забыть. Нет, он в обычной газете работал. То ли «Гудок», то ли какая-то. И на примере, на самом деле, есть и современные книги, которые, например, Оливер Сакс, «Мужчина, который принял жену за шляпу».

То есть, мы переписываем в другой студии, по-моему. То есть, это такая попытка описать... Да, Ирвин Ялом, пожалуйста. Известная история, его книжки переведены на русский, можно почитать. Ну, не знаю, из последних, кстати, вспоминаю плохо. Это самое... «Все мы творения Нади», например, где он работает с умирающими больными, работает сейчас в профессиональной деятельности, с умирающими больными и помогал им как раз выходить, как психолог.

И он описал их случаи с их согласием, в некоторых случаях даже с их согласием он писал об их любви, о любви к этим людям. Вот. И это отдельный случай, где они показывают структурированные, причем дидактические (кстати говоря, я правильно говорю?), дидактические, обращая внимание на те моменты, которые необходимы, не только про психологов идет речь, но и про людей, которые сопровождают умирающего или инвалида.

И такая именно дидактическая история. Я устроил в своем клубе почти все (не все, но почти все) таким образом: дидактически искали материал, чтобы обучать еще и психологов.

Критерии психологии образования связаны, скорее всего, с количественными показателями, которые опираются на некоторые традиции. С количественными показателями, которые пытаются операционализировать, то есть какой-то научный конструкт, который непонятно, как его измерять. Но вообще напрашивается, конечно, история с религиозными...

То есть, как его померить, непонятно. Количественно не измерить никак».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Как доказать?»

Егоров Илья Владимирович, кандидат психологических наук:

«Доказать? Вот вспоминаем [книгу] нашего Джеймса «Многообразие религиозного опыта», вот это его книжка, где он

через многообразие пошел. То есть он показал весь спектр личных опытов людей, которые религиозны, и дальше он попробовал их типизировать.

То есть, это чем-то похоже, но все равно работает на уровне обобщения. То есть мы берем много этих опытов и дальше мы пытаемся как-то типизировать, найти, есть ли что-то похожее в этом многообразии разного опыта. Или нет, или они вообще все уникальны. То есть все равно это переводится на количественные вещи. Эта уникальность все равно в количестве».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Спасибо. Дмитрий Михайлович, про критерии. А можно реплику, да, если вот есть что?»

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Странная ситуация наблюдается. Очень много методов. Ну, то есть вот если вы даже методы забудете в какой-нибудь даже области, то вам вывалится очень много, вы будете приходить в какие-то книжки, еще новая и новая. Допустим, даже взять эти интервью. Мы там говорим метод количественный, качественный. У него есть название, то есть есть качественное интервью, есть стандартизированное, вроде бы, количественное интервью.

Но как только мы начнем углубляться, они начнут множиться, как тараканы. То есть вот качественное интервью, там чаще всего вы услышите глубинное интервью, но если прислушаться побольше, там начнется биографическая, этнографическая, нарративная, фокусированная и так далее. У них у каждого есть метод по подвидам, там начинают быть фамилии. И возникает такая иллюзия, что я вот сейчас возьму какой-нибудь метод и начну его использовать. Это огромное заблуждение. Поскольку, как правило, ты не используешь этот метод, а производишь свой, и плохо его производишь. Поэтому первое, с чего надо начинать (это в обязательном порядке) — это изучать себя. Научитесь, это называется в социологии автоэтнографический поворот.

Научитесь сначала наблюдать за собой и понять, почему это трудно, очень сложно. Вот люди, которые не проводили никогда исследования, они обычно, когда слышат свой голос на диктофоне, они тушуются на записи.

«Ой, как-то неловко, неудобно». Когда их просят расшифровать эту запись свою, они начинают невольно (мы

проводили экспериментальные планы) невольно редактировать то, что они говорят.

Ну, как хмыканье свои, зачем, что-то я заикаюсь, мне неловко и так далее. Вот первая задача — это подавить собственную неловкость по отношению к себе.

То, что вы заикаетесь, то, что вы говорите неправильно, то, что вы путаете слова, оговариваетесь — это норма, и исследователь должен начать уметь это фиксировать. Удивительно, что нужно воспитывать в себе эту норму, потому что обычный человек начинает редактировать, он смущается своей речью. А если вы смущаетесь своей речью, как вы будете брать у других людей? Почему они вам должны это говорить? Здесь есть этический момент.

В общем, первая часть обязательная, просто обязательная — это понаблюдать за собой.

Кто вы такой? Вот для начала. Это первое. Второе, и это базовое отличие социологии от психологии, вот 100 процентов: социологи всегда разговаривают с другими, с чужими, с непонятным.

И поэтому, если вы проводите социологическое исследование и начинаете бежать к своим родителям поговорить с ними или к своим студентам, коллегам поговорить с ними, это не социология. Вы должны пойти к тем, кто с вами разговаривать не хочет.

И вот это сразу ставит большие вопросы и проблемы: а как поговорить с тем человеком, который не хочет с вами разговаривать, и которому неинтересна тема, по которой вы пришли с ним разговаривать?

Это не искусство, это практика, техника социологического интервью, и вы с ней должны работать. И вот то, что здесь нет никаких чудес, объясняется вот у меня моей практикой. То есть, поскольку я консультирую ВЦИОМ и ФОМ в рамках проведения опросов общественного мнения, мы очень много проводим тренингов. Мне для того, чтобы оценить, может ли человек работать интервьюером и дать ему основные навыки работы интервьюером, надо всего три дня.

Вот за три дня любой человек может стать интервьюером. Единственное, здесь есть оговорочка, что, как правило, это один из трех, один из четырех может им стать. То есть вот в вашей аудитории мы, допустим, говорим, кто может проводить социологическое исследование. Я сразу могу сказать, что человек

15 просто не может, не надо. То есть уйдите, вы не сможете разговаривать с людьми по своему психотипу или по своим установкам, вам надо много над собой работать, чтобы пройти этот путь, а часть сможет.

Значит ли это, что та часть, которая не сможет по тем или иным причинам разговаривать с незнакомыми людьми, не сможет проводить социологическое исследование? Нет. Потому что здесь есть еще один критерий, очень важный, и это уже к педагогам камушек.

У нас очень странная ситуация: у нас оценка эффекта от образования индивидуальна, то есть она привязана к вам, каждому — вы должны отчитаться каждый. А я вам скажу, что нет индивидуальных проектов, нет, они всегда коллективны. И даже когда мы говорим об автобиографии, автоэтнографии, сейчас есть понятие, понимание, что она всегда строится в диалоге: лучше с другим, но если не другого, то с собой, но ты тоже должен раздвоиться.

И поэтому если вы не можете разговаривать с другими людьми, если вы не склонны к этому, то вы можете стать частью команды и проводить исследования, поскольку гораздо больше времени, чем времени разговора и полевой работы, уходит на: а) обработку этих данных — очень большое время, и здесь нужны люди, которые не были даже в поле, потому что нужна вот эта вот рефлексивная позиция, в эту рамку очень сложно попасть; и б) вот это, я, может быть, вас удивлю, но самое большое (вот если я посмотрю на свое время, я полевик, я постоянно в поле), но если я сделаю хронометраж своего рабочего времени — 60 процентов своего рабочего времени я провожу в библиотеке. Сейчас есть, понятно, электронные ресурсы, мы можем все скачать, есть иллюзия, что ты можешь дома это сделать, но много ресурсов, где ты дома не можешь.

И для меня лично мой родной дом — это Ленинка (имеется в виду Российская государственная библиотека). То есть я прихожу туда, там есть и архивные материалы, там есть различные фонды и там, самое главное, есть атмосфера. Потому что, как бы вы ни говорили, вот для того чтобы проводить исследование, это как послушание: полюбите библиотеку. Если вы не любите библиотеку, вы не исследователь, я прямо сразу могу это сказать однозначно.

Вот эти основные характеристики подвожу. Первое — это наблюдение за собой, постоянная тренировка рефлексивной позиции и преодоление стеснения. Это очень важно.

Второе — это умение разговаривать с другими людьми, опять же, без стеснения и без вот этого вот, ну, чувства опустошенности, потому что никому не секрет среди интервьюеров, что самое фрустрирующее в жизни полевого исследователя — это не когда тебе хамят, или когда тебя обматерили, или когда тебя даже ударили (потому что иногда бывает и такое в поле), а когда прошли мимо и не заметили. Вот ты подходишь, а не видят тебя, то есть проходят мимо.

И это, конечно, фрустрирует так, что, ой-ой-ой. Для этого нужна подготовка, умение работать и понимать, что такое получение этого самого информированного согласия разговора с вами. И наконец, третье — это библиотека и чтение других. Здесь звучат имена, и надо сказать, что когда мы называем какое-то имя, то это значит, что в научной традиции за этим именем стоят тысячи других имен, тысячи, прямо. Потому что если этот человек сделал реальный научный вклад, то он был повторен в научной традиции многожды, с критических отношений. И поэтому, когда говорю я, допустим, глубинное интервью, это не значит, что вы должны угукать и там задавать вопросы пространные. Это значит, вы должны пройти в библиотеку и по глубинному интервью в доступных [источниках] вы сразу найдете тысячу источников, которые нужно прочитывать, относиться к ним и работать каким-то образом не над ними, а над собой».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Спасибо. Коллеги, небольшое время у нас остается, буквально полчаса, поэтому по перспективе работы и исследований, с использованием, с участием, не знаю, принимая во внимание то, что искусственный интеллект — такая часть нашего ландшафта. И трудного, и мотивационного, и прочего-прочего. И желание еще оставить возможность хотя бы минут 15, чтобы задали вопросы. Поэтому буквально две-три минуты. Вот все, что на сердце у нас по искусственному интеллекту. А потом уже свободный микрофон, чтобы те вопросы, которые у нас возникли, чтобы была возможность задать нашим уважаемым экспертам. И таким образом получить еще и другую связь».

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор Национального

исследовательского Саратовского Государственного Университета имени Н.Г. Чернышевского:

«Естественно, что без искусственного интеллекта сейчас уже молодежь не пишет тексты, да и не только молодежь, это та реальность, в которой мы живем. И я в конце скажу вердикт, когда нас собирали, например, на вебинаре в Российской академии образования, посвященном этому вопросу. Из своего опыта работы и с магистрантами, и с диссертационными исследованиями.

Во-первых, очень часто люди совершенно не умеют задавать промпты. И по формулировке промпта, соответственно, не могут получить адекватный ответ.

Второе. Сам искусственный интеллект выдает галлюцинации, не только текстового характера, но и смыслового, что более страшно для исследований. Например, с какими наиболее частыми галлюцинациями мы здесь сталкиваемся? Они выдают несуществующие статьи.

Значит, когда с ним начинаешь вежливо разговаривать, он утверждает на протяжении последних 18 запросов, что есть эта статья, есть эта статья. И когда ему уже грозишь, что снесешь всё и так далее, он пишет: «Ну извините, я хотел пошутить, такой статьи действительно нет». Или выдает последовательно, значит: статья Иванов, автор статьи Сидоров, статья Петров. Когда его спрашиваешь, почему такой выбор публикаций, на каком основании вы представили именно эти публикации, [он отвечает]: «Вы знаете, очень фамилии понравились».

То есть это вот реальные такие вот переговоры, которые показывают нам, насколько критично надо, конечно, к этому относиться. Второе. Он выдаёт вообще несущественные статьи. То есть, если первое — несуществующие, второе — несущественные.

Даешь запрос на 20 публикаций по данной проблематике, тебе выдают исключительно на уровень прикосновения к ключевым словам, и когда ты заходишь в саму статью, ты понимаешь, что это такая проходная статья незначительного автора, которая, ну, нет смысла ее рассматривать вообще в серьезной работе. Третье: подбор синонимов и антонимов. Когда ты пытаешься попросить его тебе задать, очень часто галлюцинирует и по смыслу совершенно не подходит к тому тексту, который ты пишешь. Какие есть положительные моменты, которые отмечают очень многие наши ребята? Преодоление эффекта чистого листа.

Ну, как говорил Николай Гоголь: когда я не знаю, о чем написать, мне надо просто положить перед собой чистый лист бумаги и начать расписывать ручку. И уже мысль она придет. Так вот, использование искусственного интеллекта в качестве подсказки такой первоначальной — это позволяет нам преодолеть этот эффект чистого листа. Второе. Достаточно неплохие получаются обзоры, причем, если сравнить Гигачат, Тему, Алису и Дипспич, то вот здесь как-то в зависимости от тематик...

Я не могу сказать, что какой-то один ресурс лучше, чем другой. Лучше задать во всех трех и начать их сравнивать между собой. Неплохие получаются таблицы систематизации, если задать им тоже в промте критерии, показатели, по которым нам надо вот эти таблицы для работ представить.

И вот в заключении моих пяти, наверное, получившихся минут, вердикт на достаточно высоком научном уровне был такой: для черновика подойдет, всё остальное обрабатывайте аналитически и достаточно критически».

Егоров Илья Владимирович, кандидат психологических наук:

«Я про этическую сторону в большей степени. Это то, что в нашем ВУЗе уже официально в 2023 году было включено в Положение об итоговой государственной аттестации ВКР.

В ВКР: что можно использовать студентам официально искусственный интеллект, пожалуйста, это разрешается. Но включать ссылок, каким искусственным интеллектом вы пользуетесь, это включается в список источников, которыми вы пользуетесь, в общий список по ВКР.

И те части, которые были, если вы их там концентрируете, с учетом того, что уже было сказано (чтобы к этому не возвращаться), которые были сгенерированы, вы их там как-то помечаете, в смысле как-то помещаете в кавычки в тексте, но если это необходимо делать, то вы их помещаете в кавычки.

Если вы пересказываете своими словами, но вы всё равно используете его в этом самом списке источников. Другой вопрос, что возникают всякие понятные истории с недобросовестными студентами, которые пытаются выдать текст искусственного интеллекта за свой собственный, и с этим бороться...

Я думаю, что продвинутые преподаватели высокого уровня могут распознать, сейчас, во всяком случае. Что в будущем будет, мы не знаем, получится распознавать или нет. Но это уже на совести, собственно, студентов остается. Поэтому тут, как от этого

не уйти, как, в смысле, распознать вот это вот заимствование — родное или неродное, в смысле сгенерированное или свое собственное, — тут сложно.

Но факт тот, что, во всяком случае, в нашем вузе это разрешено официально, и другой вопрос, что педагоги учат студентов тому, чтобы работать вот с этими галлюцинациями, с составлением беседы с этим искусственным интеллектом для того, чтобы получить максимально полную информацию за короткое время, не ходя в библиотеку с книжечками.

Вот. Но так не получается пока что. В будущем неизвестно, что там будет».

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Да, я очень рад. Кстати, у нас наконец-то круглый стол возникает, поскольку я не согласен с этой логикой. И вот с чем это связано — с цитированием искусственного интеллекта. Искусственный интеллект не автор, поскольку он постоянно производит новые тексты. Цитирование имеет смысл, и тем более помещение в кавычки, когда мы можем вернуться к этому же тексту. Этот текст никогда не будет прежним. Это всё время, это как река, которая течет. Цитировать реку смысла нет.

Тогда что делать с этой частью? То есть вот если вы начнете цитировать, вы начинаете производить артефакты, которых не существует в реальном мире. Основная опасность работы с искусственным интеллектом (а я скажу, я постоянно с ним работаю, то есть мы перешли в ранг hi-tech, целое подразделение, это обязательная практика, потому что это сильно ускоряет рабочий процесс, особенно если ты работаешь с большими объемами информации) — никогда не нужно делать из искусственного интеллекта автора, именно это цитирование. Никогда не нужно ему задавать большие вопросы. Если вы пишете статью, никогда не надо говорить: «Напиши за меня статью». Он, конечно, напишет, и она будет очень складная, но она будет пустая абсолютно. Искусственный интеллект надо использовать в диалоге, в диалоговом режиме. Вы ему задаете разные вопросы, что он делает великолепно. Действительно, он великолепно систематизирует ваш текст, он отлично делает абстракты, он отлично подходит, находит синонимичные конструкции, когда вы хотите как-то расширить. Допустим, вы хотите подобрать слова, расширить эту логику, найти дополнительный аргумент. Вы уже закончили, вы его спросили, он вам накидал десяток, причем вы

можете сказать ему: «Дай мне 30 аргументов, проранжируй их по тому, насколько они удобны для правовой области». И он вам проранжирует, а вы уже начнете думать, насколько они вам подходят, как с ними работать и так далее.

То есть, для вас искусственный интеллект — это ни в коем случае не автор, которого нужно цитировать или что-то с ним делать. Это на самом деле инструмент, с которым вы работаете, экспериментируете и держите его, ну, как бы, на очень коротком поводке. Вы ему не даёте возможности за вас начать говорить, потому что основная ошибка студентов: как только они дали [задание], то есть искусственный интеллект выдал статью, они в изумлении смотрят, как красиво написано, вообще обалдеть, я это сейчас принесу. А там на самом деле пустота, потому что искусственный интеллект пишет без ошибок, строит правильную речь, но она, как правило, бессмысленна с точки зрения новых идей, новых открытий. Вы их вносите как автор. Он вам даёт подсказку, даёт поле, возможность семантического эксперимента с этим материалом, и вы с ним работаете.

Исходя из этого, мой второй комментарий, короткий, он заключается в следующем. Я сказал, что работа исследовательская — это работа всегда командная. И вы, когда делаете какую-то даже курсовую работу, не знаю, ещё что-то, объединитесь с кем-нибудь, делайте на одну и ту же тему, потом отчитаетесь.

Но как вы отчитаетесь на одну и ту же тему? Распределите роли между собой в исследовательском коллективе. Один информацию собирает, другой анализирует, как мы собираем эту информацию. Мы такие, какие мы ошибки допустили. Третий анализирует эти данные. Так вот, в команде в современном мире и у нас сейчас очень важно выделить такую роль: ответственного за искусственный интеллект. То есть человек, который наблюдает за искусственным интеллектом, пишет действительно списки, к каким программам мы обратились.

Их уже около пяти десятков самых базовых в исследовательском плане (вот здесь прозвучало три), с какими мы работали, какие результаты. То есть человек в вашей исследовательской группе уже не изучает никого, ни другие вопросы не задаёт, он изучает исключительно, как вы общаетесь с искусственным интеллектом, какие результаты получаете, где ошибки, а где вы получили очень интересный результат, который вас обогатил.

В социологии это называется пара-данные для вашего исследования. В исследовании есть данные: вы, допустим, пришли и решили изучить вопрос религиозности в разных социальных группах, или там псевдорелигиозность, или, допустим, какие-то практики послушания. Это данные, которые вы собираете. А человек, который смотрит, как на это реагирует искусственный интеллект, получает пара-данные по поводу вашего исследования, которые сопутствуют и обогащают уже основной результат, поскольку от этого, от пара-данных, зависит то, как вы интерпретируете эти результаты».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Спасибо. Как это? Как контрольно-экспериментальная группа, да?»

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Здесь сложнее. То есть контрольно-экспериментальная группа — это вот, я бы здесь присоединился, — это классический подход, линейный. Там еще может быть обычно несколько экспериментальных групп, там вот эти квадраты экспериментальные. А мы уже в ризомной ситуации, я здесь подхвачу этот вопрос, и здесь, конечно, мы скорее находимся в ситуации... Вот если разводить, социология на самом деле сильно абстрагировалась, много времени затратила, чтобы провести черту от психологии.

То есть мы прямо отодвигались, у нас нет психологизма, прямо в девятнадцатом веке это прям война была. Но мы сильно отгораживались и от антропологии, этнографии. То есть мы не вот такие, то есть социология — это про разговор, а эти — про наблюдение, то есть они наблюдают, есть понятие включенного наблюдения. Я написал книжку, она называется «Этнографическое интервью», это почти оксюморон в старой традиции: не может быть этнографического интервью, потому что этнография — наблюдение включенное, а интервью — это социология. Так вот, сейчас это уже смешанный метод, если откуда мы чего питаем. То есть не экспериментальные планы мы строим, а наблюдаем включенное наблюдение — вот базовый метод, в том числе включенный в интервью, отсюда этнографическое интервью — это легитимный метод со своей техникой проведения исследования».

Егоров Илья Владимирович, кандидат психологических наук:

«Я вспомнил, да, я вот что хотел сказать, тоже забыл. Вот такие переходящие есть методы и методики, связанные, которые переходят, используются одновременно и педагогами, и психологами, и по-своему они интерпретируются.

Вот про цитирование-то: а надо или не надо? Да, сейчас, по поводу цитирования, ну, я думаю, что, ну, это я сейчас цитировал положение, которое у нас есть. Вот, если про свою позицию говорить, то, на мой взгляд, тоже не надо цитировать, но я фокусировался, когда говорил свою реплику, о том, что этически человек должен разобраться вообще.

На мой взгляд, если студент всё-таки поместит в кавычки эту штуку, то, на мой взгляд, это будет показывать этичность исследователя всё-таки, если он поместит в кавычки, что это не он.

Всю статью там не поместишь в кавычки, понятно, что если он всю статью выдает за это, но если в ВКР он поместит в кавычки какую-то часть небольшую, потому что сейчас все ВКР проверяются на антиплагиат и понятно, что там вылезет это всё дело, но это показывает этику автора в данном случае для меня, ну, или то, что он, по крайней мере, чуть-чуть вырос в этом умении использовать корректно, правильно, научно цитирование. Хотя с точки зрения, ну да, как артефакта, наверное, это не есть хорошо».

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Смотрите, вот то противоречие, напряжение, которое здесь мы создаем, оно связано не с тем, что кто-то из нас прав, а кто-то неправ. Оно связано, что эта область очень подвижна. Социологи очень любят подвижные области, поскольку здесь есть что исследовать. Поэтому я вас призываю: выбирая темы, выберите себе тему искусственного интеллекта, поскольку здесь можно критиковать и положение. И вообще-то, для самой семинарии есть задача, а собственно, это положение тоже надо написать, и студенты могут принять в этом активное участие.

Именно результатом вашей работы, казалось бы ученической и исследовательской, может быть некоторый драфт позиции семинарии по отношению к работе с искусственным интеллектом. Это очень-очень замечательная работа может быть.

Священник Павел Корнеев:

«У меня не вопрос, у меня дополнение. Дмитрий Михайлович, то, о чем вы говорите, уже отчасти существует. В этом году Учебный комитет Русской Православной Церкви первый создал этику общения православного исследователя с

искусственным интеллектом. Просто там речь идет вот о чем: о том, что мы всё-таки православные, и каждая наша работа — это инструмент спасения. Поэтому тут надо быть очень аккуратно. Любая научная православная работа, православная или богословская работа, она все-таки имеет отношение к человеческому спасению, поэтому тут лукавства быть не должно в принципе, поэтому и этика. И вот о том, о чем говорит сегодня Дмитрий Михайлович, я слушаю, да, четко, это вот та самая этика общения православного человека с искусственным интеллектом.

То, что там это тезисно изложено, гораздо лучше, чем я скажу, поэтому рекомендую посмотреть. Стоит того. Спасибо».

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор Национального исследовательского Саратовского Государственного Университета имени Н.Г. Чернышевского:

«Да, во-первых, вы сейчас, благодарю вас, вы сейчас дали ребятам такую тему для работы. Этика взаимодействия православного человека с искусственным интеллектом. Ребята, ловите, кто первый, тот и напишет. Вы знаете, вот этот вопрос о цитировании, да, его можно развернуть на любое. Значит, цитирование, по сути, это воспроизведение мысли живого человека, которая зафиксирована как продукт его проявления его интеллектуальности в основе или в письменной форме.

И вот мы для себя решили так вопрос, что цитировать искусственный интеллект мы не будем в кавычках, но в работах мы будем просить ребят, чтобы они указывали, какой они задали промпт, и вот эти предыдущие два абзаца текста были искусственно сгенерированы такой-то системой, имя системы, в ответ на заданный промпт, формулировка промпта».

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Мы в исследованиях, вот сейчас, поскольку мы активно это используем, то есть вот методика работы с ИИ через промпты, она ушла уже в течение последнего полугодия, поскольку очень быстро меняется эта ситуация. То есть с искусственным интеллектом уже работа строится в диалоговом режиме, и этот диалог уже нельзя выстроить, ну как бы, как некоторый осмысленный промпт, которым учились.

Промптам до сих пор учат, вы можете найти какой-нибудь курс, который вам об этом учат, а этому учить сейчас не надо вообще, потому что вы можете написать с ошибками, даже не

надо думать, как вы пишете на русском языке, вы можете беспорядочные слова написать. Но самое важное, что когда он вам дал ответ, причем его лучше ограничить, то есть сказать там, напиши мне ответ там слов на 300, он на 300 вам слов напишет ответ. После этого обязательно нужна итерация поправить: «Скажи вот здесь» и так далее.

И этой итерации очень много. Поэтому вот как бы вот сейчас современный подход работы с искусственным интеллектом — это диалоговый режим, в котором вот как бы сам мой диалог к нему не имеет значения, а имеет значение как бы интеракция или взаимоотношения.

Это то, что у Лотмана было. То есть семантика рождается не словом, то есть она рождается не хорошим словосочетанием. Семантика рождается контекстом и вот этим взаимодействием этих слов.

И это сейчас реализовано в искусственном интеллекте, это понимание сейчас пришло, поэтому промптом нельзя».

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор Национального исследовательского Саратовского Государственного Университета имени Н.Г. Чернышевского:

«Но здесь можно уточнять количество интеракций тогда. И логику изменения запросов, логику изменения уточнений в процессе динамики. Уточнений в таком-то направлении, в такой-то сфере произошли вот такие-то изменения».

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Ну, вообще, то есть я здесь, ну как бы, дальше, продолжая, присоединяюсь просто. Конечно же, нужно искать язык описания, по которому мы можем описать, как мы использовали искусственный интеллект, и подбирать параметры. И сейчас это открытая область, сейчас как раз-то вот такой передний край работы: как описать количество итераций, описать, может быть, размерность своих обращений к искусственному интеллекту.

Описать ограничения, формальные по форме изложения, которые вы задавали. То есть вы можете каждый раз напоминать по стилю, можете напоминать по объему, свои комментарии. Показать ограничения по тому, что вы определяете с точки зрения дополнительных вопросов. То есть вот как они выстраиваются — это всё можно описать, но это уже не промт».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Важно, что это теперь студенты заповедного вопроса. Дорогие участники, мы переходим к последней части нашего семинара: ваши вопросы к нашим экспертам и обратная связь».

Малышев Артем Владиславович, кандидат теологии, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«У меня по одному вопросу к двум экспертам, я тогда с первого начну. Дмитрий Михайлович, у меня к вам вопрос, он довольно-таки простой с точки зрения своей базовости, и технический вопрос. Вы сказали, что ценность в интервью — это пауза, мычание и прочее. Но как анализировать такой материал?»

Мы же его все равно должны расшифровать в текст? Как это учитывается тогда? Как систематизируется контент, когда нужно собрать интервью от 10 человек? Вы же как-то анализируете, какие-то контент-анализы совершаете? Как маркируются значения, которые для вас важны?»

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Ну, вы, конечно, замаскировали свой простой вопрос. Это совсем не простой вопрос. С точки зрения расшифровки, всегда есть два полюса. Есть метод, он называется анализ разговора с английского, прямая калька, Conversational Analysis. Там сама расшифровка — это свой язык, то есть нужно сначала освоить этот язык, где отдельно кодируются и паузы, и интонации, повышение, понижение речи, это отдельные значки, все кодируют.

И когда вы в Conversational Analysis читаете текст, вы его прямо воспроизводите дословно, то есть полная передача, насколько это можно передать. Понятно, любой перевод текста есть потеря информации из одной системы в другую. Есть вторая сторона — редактирование. То есть когда вам не нужны на самом деле какие-то элементы, а вы концентрируетесь только на смехе, допустим, или только паузы фиксируете, или вообще это ничего не фиксируете, это зависит исключительно от вашей исследовательской оптики и того инструмента, которым вы владеете.

Но точно совершенно в самом начале, когда вы обрабатываете материал, нужно конвенционально договориться, как вы его обрабатываете, как расшифровываете, потому что основное требование здесь — это требование как бы избыточности, чтобы не

было... то есть требование оптимальности работы с материалом. Если у вас, допустим, там один терабайт аудиозаписей, то, понятно, дословное транскрибирование уведет вас в десятилетнюю работу только по транскрибированию.

Просто чтобы было понятно, вот CA, Conversational Analysis, он сокращенно называется CA Analysis. Люди транскрибируют двухминутный обмен реплик, и он анализируется в течение полутора часов группой людей.

Полторы минуты сидят, анализируют полтора часа целая группа людей. То есть это техника такая. Понятно, что она направлена совсем не на интервью, как мы их привыкли делать. Метод вы выбираете».

Малышев Артем Владиславович, кандидат теологии, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«А второй вопрос: как систематизируется контент? Как он маркируется и как систематизировать значение ответов?»

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Конвенциональный метод качественного анализа данных попал в различные программные продукты. Это так называемая grounded theory по-английски, по-русски это называется обоснованная теория. Там есть система свободного кодирования, то есть есть методология обработки этих данных, но у нее есть некоторая универсальность работы, но она не единична. Потому что то, что вы сказали, контент-анализ, то есть может быть анализ отдельных элементов текста, это целая идеология даже работы с текстом, в основном идущая из лингвистического анализа.

Как раз наши великие Лотман, Якобсон, Гаспаров, те, которые работали в стиховедении, этим занимались. А второе, тоже огромное направление, это дискурс-анализ. Тут тоже очень много лингвистов, но очень много политологического обоснования. Там в основном статусные роли выдвигают: кто как, с какой позиции, паралингвистические данные.

Вот три столпа, в которых, вот я сказал, тысяча источников написано, это сотни тысяч уже работ, написанные на три направления больших: Grounded Theory, Conversational and Discourse Analysis — это один блок, и Content Analysis. Три части работы».

Иеромонах Василий (Гроицкий), студент 2 курса магистратуры Пензенской духовной семинарии:

«Как определить точные границы предмета исследования? Проблема в том, что мы можем вкладываться в какую-то тематику, и мы ее немного размываем тем, что хотим что-то больше и больше, а для наших научных проверяющих мы теряем суть. И наоборот, где мы взяли какую-то проблему и недостаточно ее раскрываем.

И на протяжении этого исследования у нас может уйти много времени не на ту границу, которая является полноценной основой, а потом уже дополнять к ней будет сложнее в процессе формирования идеи. Вот каков этот критерий оценки предмета исследования?»

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Я назвал вот это слово красивой операционализацией, когда это попытка сузить поле своего видения, куда я буду смотреть и на что. То есть есть вот это научное слово какое-то — религиозность или вера, или еще что-то. И дальше вот мне надо понять, как исследователю, как вот это слово мне таким образом перевести на язык, с помощью которого я смогу собирать материал.

И дальше вот это сложная тоже на самом деле история, когда я пытаюсь вот в работах, в темах, и сам студент пытается понять, что я буду понимать под словом вера или под словом религиозность. А дальше мне надо понять, а как я вот это буду измерять. Да, это тоже такая... Это вот одна история, связанная с тем, что я перевожу на язык измерительных каких-то вещей. То есть я буду смотреть опыт индивидуального человека, и внутри опыта там же тоже много чего религиозного, там надо тоже выбрать себе какой-то кусочек, да, и выбрать еще инструмент какой-то подобрать. То есть вот я, да, буду использовать что? Интервью глубинное? Или я просто запишу? Вот мне человек расскажет некий свой опыт переживания, и да, вот я это зафиксирую, и дальше у другого спрашиваю зафиксировать, и дальше буду думать вот с этими описаниями что делать? И вот первый шаг в этом смысле, то есть вот как перевести язык теоретические, теоретические слова, который я прочитал в библиотеке, как его перевести на индикаторы или показатели, которые можно будет увидеть, измерить с точки зрения психологии.

Вот надо эти ценности понять, убеждения, взгляды, религиозность, для этого тоже можно почитать разную литературу и узнать, как другие люди это измеряли. И понять, вот я этим

инструментом умею пользоваться, и тогда либо учиться использовать, если они у меня есть, значит, либо отбрасываю его, беру, смотрю, какие другие есть инструменты, с помощью которых можно было бы вот это изменить. Если нет, значит, беру».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Вот тут, правда, без команды не обойтись. Тут так же, как, что называется, можно галлюцинировать, и один человек тоже в своей голове может дойти до очень больших построений, которые не будут иметь общего. Поэтому друг с другом хотя бы вы поспрашивайте друг друга, скажите. И в этом проговоре, как это, другой нужен, да, не чужой, а другой. В этом проговоре вы сами что-то такое понимаете. И те вопросы, которые к вам звучат, они помогают вам проходить вот эти вот тренировки».

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Разрешите короткую реплику. Просто вопросы пошли уже не про педагогические, а о содержательных проблемах. Вот кроме вот этой дилеммы, даже не дилеммы, а напряжения исследовательского, связанного как с операционализацией, так и с концептуализацией, то есть с работой с материалом, у нас же всегда есть еще участник, ну, то есть тот, с кем мы говорили. И здесь, конечно, мне очень понравилась реплика по поводу того, что если мы говорим о православных исследователях, то мы говорим о спасении. А ее ведь можно дальше продолжить.

Если мы говорим о спасении, что у нас, значит, каждое интервью — это проповедь? Ну, то есть, а где тогда вот как бы исследовательский компонент? Я не говорю сейчас ни в одну, ни в другую сторону, я говорю, что это вопрос, который требует методологического разбора, потому что если я займусь сциентистскую позицию, мы прямо к черту придем, а православные не могут проводить исследование.

Извините, идите своей дорогой, а мы, ученые, пойдем своей дорогой. Но эта черта из XX века, середина, она давно преодолена. И ее нужно преодолеть внутри исследовательского коллектива, поскольку это и есть в том числе этические вопросы. То есть то, как мы работаем с этим материалом. И я очень благодарен, потому что вот эта тема точно выходит за рамки обсуждения даже на магистерском уровне.

Это работа докторского уровня, как бы с точки зрения даже не методологии, а эпистемологии получения научного знания».

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор Национального исследовательского Саратовского Государственного Университета имени Н.Г. Чернышевского:

«Вы знаете, вот этот вопрос о необходимости и достаточности текста, чтобы не выйти за рамки предмета исследования, он очень важен на начальном этапе работы. Потому что многие молодые исследователи действительно зачитываются и их уносят в другие сферы. И вот мне когда-то моя научная руководительница Ната Борисовна Крылова дала очень интересный практический совет, который я всегда говорю своим молодым начинающим ребятам.

Она говорит: «Катенька, вот вы написали очень хороший текст. Но знаете, как вот сейчас искусственный интеллект чем отличается? Ты начнёшь об одном, о другом, о третьем, потом искусственный интеллект опять об этом же, об этом же, — закольцованный. Вот так очень часто получаются тексты у молодых ребят, когда они тебе приносят на проверку. Вот этот текст об одном, о другом, о третьем, опять о первом, о втором, о третьем, да, вот закольцованный». Вот она мне дала такой совет.

Написала текст, параграф, прекрасно. Распечатай его и каждый абзац назови, ну, хэштег, как сейчас называют, да, поставь на полях. Теперь бери ножницы, разрежь всю свою бумагу по абзацам, ляг на пол и на полу переставь эти абзацы в определенной логике, то есть что из чего вытекает. И ты сразу увидишь, где у тебя образуются пустые места прерывания, а где есть куски таких абзацев, которые ну никак в логику не вписываются, потому что они не о том, они за пределами, за рамками твоего исследования. Потом сядь к компьютеру, переставь уже эти абзацы, потому что на экране не так видно, как на полу разложенной бумаги, и будет тебе счастье». Я этим способом пользуюсь до сих пор и вот рекомендую всем. Это в качестве такого маленького лайфхака для исследования».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Уходя, каждый из экспертов даст вам домашнее задание. Проверять не будем, отсылки ставить не будем, но вы можете, так что записывайте себе».

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор Национального исследовательского Саратовского Государственного Университета имени Н.Г. Чернышевского:

«Ну вот это от меня тогда».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Д/з номер один от Екатерины Александровны. Идем дальше, д/з даем или еще что?»

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Я прокомментирую, это удивительно, насколько пересекаются методы. Я тоже очень люблю резать, но не на абзаце, не обязательно на абзаце, я это называю там кадры 100 слов и так далее, потом мешать. И ты работаешь на полу, я как бы комнату всю расчищаю, и у меня эти кусочки, которые ты переставляешь, ты действительно находишь. Это говорит о том, что здесь неаккуратно. Это больше, чем автор, вот этот подход, он работает.

У меня домашнее задание провокативное. Кто его решится исполнить, пожалуйста, свяжитесь со мной. То есть оно у меня в магистратуре, когда я преподавал в Манчестерском университете, выполняли студенты, которые учатся на социологии. Заключается в следующем: выйдите на улицу, подойдите к любому человеку и заговорите на любую тему, а потом запишите то, что произошло, на любую тему. Я сразу дам подсказку, то есть как люди выкручиваются. То есть я могу рассказать, как это бывает, если нужно, а могу не рассказать. То есть что значит на любую тему? Часто люди что делают? Но самое обыденное — спросить, как пройти куда-то, спросить, где храм находится или еще что-то.

И вам начнут рассказывать, либо вас пошлют куда-то. Есть студенты (делится еще одна группа студентов) — это задать вопрос, который ведет в изумление того, кто встретился вам на улице. Вы подходите, представляете, идет человек, вы подходите на улицу, извините, человек остановился, скажите, а есть счастье?

И это работает. То есть у меня ребята (то есть я про мальчишек сказал), на Красной площади остановились: «Есть счастье?» И некоторых ели в кафе, кормили после этого и так далее. Потому что этот вопрос сначала как бы изумляет, а потом перед тобой же человек. Это как бы когда человек считает, что вы не издеваетесь над ним, а там возникает какая-то коммуникация.

В этом задании очень важно не сыграть в эту роль. Сыграть — это была бы постановка, театральная.

Очень важно детально зафиксировать и расшифровать, что происходило, потому что вы сами удивитесь, какие коммуникативные стратегии вы используете, чтобы этого человека остановить и поговорить. Часть из вас будет оправдываться, часть будет говорить, какой идиот-наставник попросил идти, поэтому вам нужно будет это сделать. Часть из вас будет придумывать какую-то историю. И это будет прямо *ad hoc* возникать. Вот это техника, это упражнение для того, чтобы стать интервьюером.

Егоров Илья Владимирович, кандидат психологических наук:

«Я хотел длинное, но дам не длинное, в продолжение. Оно очень простое, связано, в том числе, с использованием различных техник наблюдения и проведения интервью.

Когда вы общаетесь, вот это тоже наблюдательность, скорее на умение использовать свои... развивать, вернее, навыки наблюдать за самим собой, за другими людьми. Значит, вот вы разговариваете с человеком знакомым. Вот надо разделить на группы людей: знакомые, близкие вам люди, там, друзья, например, да, и малознакомые. У вас здесь соученики, одноклассники, знакомые, незнакомые и так далее.

И дальше понаблюдайте, на какой дистанции (в смысле, расстоянии в сантиметрах, приблизительно, можно, можно не приблизительно, но это будет заметно), незаметно, естественно, это надо делать, на каком расстоянии, на какой дистанции вы с каждым вот человеком разговариваете: с близкими вот людьми, друзьями, мамой, папой, детьми, с близкими друзьями, со знакомыми, с малознакомыми. И дальше попробуйте поэкспериментировать, нарушать эту дистанцию, или увеличивая ее, или сокращая, и наблюдайте, что будет происходить с людьми. Потом расскажете».

Татьяна Анатольевна Костюкова, доктор педагогических наук, профессор Томского университета:

«Я напомним свое вчерашнее задание, которое было сформулировано в контексте логики тех шагов, которые вам необходимо сделать для того, чтобы успешно завершить и успешно защитить вашу выпускную квалификационную работу. И оно, как вы помните, состояло в том, чтобы привести в соответствие с теми установками, которые мы подробно вчера с вами развернули, обоснование темы вашего исследования по той структуре, которую вы согласовали.

И через неделю, не позже, подойти с этим обоснованием к вашему научному руководителю, еще раз всё это обсудить».

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор Национального исследовательского Саратовского Государственного Университета имени Н.Г. Чернышевского:

«Это очень, наверное, может быть, предложение организаторам. У меня был очень интересный опыт, когда у нас был вот такой большой круглый стол, Ульяновский, Сергей Данилович Халенков и большой группой сотоварищей. И вот, через несколько месяцев после этого круглого стола, который, надо сказать, продолжался три дня. Да, причем он продолжался с половины девятого утра до половины одиннадцатого вечера с перерывами на обед и небольшие прогулки.

Нам подарили великолепные книги. Оказывается, всё, что мы наговорили, стенографировали и опубликовали, именно то, что мы говорили. И это было, знаете, вот потом мы читали, это как некий, как кресло, да, вот, там, на гвоздях вытячивают, вот-вот-вот, да?

И мы чувствуем интонацию этого человека, и всё равно хочется что-то перечитать, понять смысл. Вот у меня предложение организаторам. У нас будет сборник статей, насколько я понимаю, этой конференции. Может быть, вот этот круглый стол опубликовать в качестве такой вот коллективной стенограммы для наших выступлений, потому что, я думаю, что, возможно, захочется некоторые вещи перечитать, и вообще-то, сравнительно, если это будет доброй традицией для сборников статей этой конференции».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Выбирайте в свой состав лекционную коллегию, потому что я считаю, что это будете делать сегодня, с помощью искусственного интеллекта».

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук:

«Да-да, кстати, мы про искусственный интеллект там говорили, много чего. Программы автоматической расшифровки данных довольно неплохие, их надо редактировать, но это сильно снижает трудоемкость. То есть мы активно этим пользуемся, то есть у нас тоже изменилась вообще практика транскрибирования».

Склярова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, профессор Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

«Огромное спасибо, дорогие коллеги. Лично мне было невероятно интересно слушать. Я надеюсь, что студентам также это пойдет в пользу. Мы надеемся на продолжение нашего диалога, методологического семинара и всего прочего».